

УДК [001.891:39:502.131](1-751)

А.Н. Садовой

К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Определен круг этносоциальных проблем, возникающих при формировании сети особо охраняемых природных территорий. Предложено расширить предметную область исследований в прикладной антропологии, направленной на сохранение историко-культурного наследия и нейтрализацию негативных социальных последствий проводимой в РФ экологической политики.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, историко-культурное наследие, прикладная антропология.

Для концепции развития сети особо охраняемых природных территорий (далее ООПТ) характерен многофункциональный характер. В ней предусматривается не только рост численности ООПТ, но и последовательное расширение функций природоохранных учреждений, направленное на нейтрализацию негативных социальных последствий. В ряде развивающихся стран вывод части территории из «хозяйственного оборота» уже синхронизирован с проведением программ развития предпринимательства в сфере «этнографического» туризма [1]. Для индустриальных стран характерно расширение системы научной и научно-просветительской деятельности, выходящей за сферы повседневной деятельности ограниченного штата ООПТ и реализуемой «сторонними организациями» и институтами гражданского общества. Эти процессы однозначно имеют глобальный характер. Согласно материалам Пятого всемирного конгресса по охраняемым природным территориям, состоявшегося в Дурбане (ЮАР) в сентябре 2003 г., число ООПТ в мире за 1962–2003 гг. увеличилось с 9214 до 102102, а их площадь – с 2,4 млн до 18,8 млн кв. км [2. С. 126–141; 3]. Многофункциональный характер ООПТ уже проявляется в широком спектре категорий ООПТ, определяемых функциями (сохранения природной и историко-культурной среды) и природоохранными режимами [4].

В зарубежной историографии текущая деятельность ООПТ часто рассматривается в контексте комплексного решения задач охраны природы и социально-экономического развития. В качестве одной из основных функций природоохранных организаций выступает повышение уровня жизни местных сообществ, проживающих в сопредельных с ООПТ районах. В этой связи в функции ООПТ включаются: а) развитие туризма и экологически ориентированного природопользования; б) содействие развитию малого бизнеса, вовлече-

нию частного жилого фонда в обслуживание посетителей, возрождение местных ремесел и промыслов, фольклорное обслуживание посетителей и др.; в) продвижение местной экологически чистой продукции под логотипом ООПТ. В регионах со сложным этническим составом населения эти программы однозначно отражают и политический курс, направленный на развитие семейного и этнического предпринимательства, вывод этого сектора из сферы теневой экономики. Традиционная культура, объекты историко-культурного наследия объективно рассматриваются в качестве перспективного «туристического продукта», а затраты на его сохранение равнозначны затратам, направленным на сокращение безработицы и формирование устойчивых источников пополнения муниципальных бюджетов.

Латентная по характеру тенденция укрепить взаимосвязь между экологической и национальной политикой в Российской Федерации [5] не выходит из контекста мировых тенденций. Для нее также характерен поиск политических технологий комплексного решения проблем сохранения биоразнообразия, устойчивого развития сельских сообществ, сохранения историко-культурного наследия страны. Несмотря на системный кризис XX столетия и непоследовательность действий государственных структур, сеть ООПТ последовательно расширяется [6].

Признается, что создание сети ООПТ объективно влияет на системы жизнеобеспечения и природопользования, определяя проблему устойчивого развития национальных анклавов. Так, для населения Алтае-Саянского экорегиона характерно, что создание новых ООПТ форсирует: а) интеграцию в формируемую государством «рыночную» экономику» при возврате к традиционным (малоэффективным) системам природопользования; б) развитие этнического предпринимательства в сфере туризма [7], от которого часто выигры-

вают «нерезиденты»; в) социальную дифференциацию в среде коренного населения.

Активная роль государства в социальной стратификации этнических меньшинств является перманентным явлением. В течение всего XX в. искусственно создавались условия ограничения ресурсной основы собственно традиционного жизнеобеспечения. В этом контексте курс на организацию ООПТ во взаимосвязи с отчуждением земель под инфраструктуру туризма согласно программе рекреационного развития Республики Алтай в традиционном мировосприятии ничем не отличаются от: а) проводимой в 1905–1914 гг. переселенческой политики и административно-территориальной реформы; б) коллективизации 1920–1930 гг.; г) формирования социалистического сектора сельской экономики (совхозов) и укрупнения поселков в 1960–1970-е гг.; создания слоя фермеров в 1990-х гг. При всех этих «реформах, подпадающих под определение «социальной инженерии», происходило «изъятие» этнической территории и переорганизация поземельных отношений, связанных с распределением сезонных пастбищ. Одним из чисто экологических последствий этой политики и стало то, что «традиционные» формы экономики (промыслы, отгонные формы скотоводства) перестали быть в этом экорегионе ресурсосберегающими. Не случайно и то, что стратегия создания новых ООПТ уже в начале 1990-х гг. объективно стала вызывать отторжение у той части сельского населения, которая выживала исключительно за счет реализации продукции промыслов. Браконьерство уже рассматривается в качестве наиболее существенной угрозы сохранения биоразнообразия экорегиона. В этом прослеживается *этнополитический фактор* современной экологической политики. Не случайно создание ООПТ федерального значения стало рассматриваться коренным населением в качестве угрозы правового закрепления «этнической территории». Эта тенденция не противоречит глобальным процессам, что позволяет использовать мировой опыт нейтрализации социальных последствий экологической политики. Так, в ряде стран (США, Канада) проблемы правового регулирования экологических программ, закрепления этнической территории и сохранения традиционной системы природопользования были успешно разрешены уже в 1980–1990-е гг. Успех определялся тем, что государственная регламентация традиционного природопользования национальных меньшинств [8, 9] была включена в стратегию сохранения традиционных форм культуры и социальной организации. В результате процессы интеграции сель-

ской молодежи в «рыночное» общество, расширения сети ООПТ, сохранения памятников историко-культурного наследия, развития инфраструктуры сельских населенных пунктов протекали в логической взаимосвязи.

Следует отметить, что на части территории РФ передача земельного фонда под ООПТ не решает, а обостряет проблему сохранения памятников историко-культурного наследия (культовых мест, памятников истории и культуры и др.). Ограниченные возможности использования памятников историко-культурного наследия в качестве «бренда» территории, депрессивное состояние сельской экономики существенно сузили рекреационные функции большинства ООПТ, как организаций, не обладающих серьезными ресурсами для того, чтобы переломить негативные социальные тенденции. Это крайне противоречивый процесс. С одной стороны, на памятники, находящиеся на территории ООПТ, распространяются режимы территориальной охраны. В качестве примера можно привести ограничение возможностей проводить незаконные археологические раскопки. С другой стороны, повсеместно встала проблема консервации и реставрации памятников, находящихся на федеральных землях (за пределами поселковой черты). Правовых путей ее решения не найдено вплоть до настоящего времени, что резко повышает требования к квалификации руководства ООПТ. И здесь крайне интересен опыт Кенозерского заповедника, единственного в РФ ООПТ, не только взявшего на баланс более 100 историко-архитектурных памятников, но и реализовавшего идею привлечения сельского населения к развитию широкого спектра форм туризма: этнографического, сельского, экологического, паломнического [10]. Проблема заключается в *уникальности* этого опыта экологического и историко-культурного менеджмента, реализуемого на муниципальном уровне. Неспособность же федеральных органов власти обеспечить правовое регулирование имеющихся в регионах программ сохранения историко-культурного наследия прослеживается как по материалам, представленным на порталах Совета Федерации [11, 12], так и по опыту реализации в РФ международных проектов, направленных на комплексное решение экологических и социальных проблем в границах действующих ООПТ [13].

Возникает вопрос, насколько к решению этих проблем могут быть привлечены специалисты в области этнографии, этнической экологии социальной и прикладной антропологии. Латентный характер выявленных процессов актуализируют

привлечение именно этой группы специалистов. Остановимся на двух сюжетах. Первый из них связан с ответом на вопрос: насколько учитывался этносоциальный фактор в процессе развития сети ООПТ. Второй – с перспективами исследований в области прикладной антропологии, ориентированных на решение проблем сохранения историко-культурного наследия этнических групп.

Первый сюжет обусловлен тем, что большинство современных социальных проблем игнорируются на стадии формирования программ развития территорий. Согласно интервью В.Б. Степаницкого [4], процедура формирования перечня ООПТ предусматривала исключительно широкий спектр интересов. Пакет предложений для субъектов РФ готовили специалисты территориальных органов Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ. К процессу подключались учреждения, представляющие академическую, отраслевую и вузовскую науку. Проектная документация проходила процедуру согласования с региональными органами власти. В то же время из процедуры формирования концепции «выпали» существенные элементы – определение финансовых источников для реализации ООПТ своих основных функций в сфере нейтрализации среднесрочных и долгосрочных социальных последствий реализации концепции. В результате при составлении Перечня ООПТ не был проведен «долгосрочный финансово-экономический анализ» последствий предлагаемого курса. Центральной проблемой ООПТ стал дефицит бюджетного финансирования. В этих условиях руководство ООПТ в регионах и было сориентировано на выполнение основной функции – охрану природных ресурсов в ущерб остальным. Полностью был проигнорирован международный опыт, согласно которому формирование пакета технико-экономической документации, зонирования ООПТ, проведение экспертизы (экологической, этнологической), разработка и принятие менеджмент-планов ООПТ всегда сопровождаются процедурой согласования не столько с органами региональной власти, сколько с сельским населением. Несмотря на декларируемые в уставных документах цели социально-экономического развития и сохранения традиционной культуры коренных малочисленных народов, разработчиками не предлагался механизм ее достижения. Во многом этнические интересы были проигнорированы: в зону «заповедного режима» включались традиционные промысловые участки. В качестве примера можно привести Шорский национальный парк, где вплоть до «перезонирования» его территории, осуществленного уже

при финансовой поддержке проекта ПРООН/ГЭФ, «зона заповедного режима» долгое время оставалась фикцией [13]. В качестве общероссийской тенденции остается остаточный принцип финансирования таких функций ООПТ, как проведение научных исследований, реставрация историко-архитектурных памятников, экологическое и историко-культурное просвещение. Памятники историко-культурного наследия рассматриваются исключительно с утилитарной позиции: если они не являются источником прибыли, то в лучшем случае они игнорируются. В худшем – уничтожаются. Несостоятельность федеральных структур в этой области уже констатирована на уровне Совета Федерации: в РФ ежегодно теряется около десяти тысяч природно-архитектурных и художественных памятников [11]. В этих условиях руководству ООПТ предоставлены широкие полномочия как для расширения числа «туристических объектов» на своей территории, так и передачи в долгосрочную аренду земельных участков, на которых находятся исторические памятники, без обязательства их реставрации и охраны. В качестве примера можно привести пещерный комплекс Воронцовские пещеры, сданный Сочинским национальным парком в аренду на 49 лет без обязательств его сохранения. Правовые лакуны оказывают прямое воздействие и на состояние межэтнических отношений в субъектах. Сохранность памятников историко-культурного наследия является маркером состояния этнического самосознания. Их разрушение в глазах этнических меньшинств выглядит как свидетельство курса ассимиляции.

Второй сюжет касается конкретизации предметной области исследований в области прикладной антропологии, ориентированных на решение проблем сохранения историко-культурного наследия. По зарубежной историографии прослеживается, что рост числа работ в сфере прикладной антропологии определяется степенью развития гражданского общества, наличием социальных институтов (заказчиков), заинтересованных в получении информации по максимально широкому спектру социальных процессов. Если обратиться к опыту России, то проводимая в настоящее время экологическая и национальная политика объективно способствует как формированию «заказа», так и сети исследовательских групп, ориентированных на проведение прикладных исследований. Отечественные ООПТ являются исключительно перспективным объектом интеграционных исследований. Этот тезис подтверждается: а) степенью распространения этого социального института;

б) возможностью анализа его как субъекта экологической и национальной политики; в) взаимосвязью рекреационных функций ООПТ с различными формами этнического предпринимательства; г) возможностью использования ООПТ в качестве полигонов апробации альтернативных моделей природопользования; д) широкими возможностями экологического и этнографического просвещения. То, что ООПТ являются органами территориального управления, позволяет в процессе комплексного обследования применять апробированные алгоритмы этнологических экспертиз и регионального этнологического мониторинга. В этой связи в структуру полевых исследований, на наш взгляд, должны входить следующие разделы: а) демографическая ситуация (система расселения, структура, занятость, уровень образования и движение населения); б) система земельных связей, традиционного жизнеобеспечения и природопользования; в) система межэтнического взаимодействия (на уровне национальных общественных объединений); г) политические (нормативные) факторы трансформации традиционных социальных институтов (включая институт семьи) и межэтнических отношений. Следует отметить, что по этой проблематике уже имеются публикации, конкретизирующие предметную область, алгоритм исследований, перечень индикаторов и показателей [14, 15].

В то же время следует отметить, что в процессе проведения этнологических экспертиз [16, 17], как правило, не ставились задачи оценки состояния объектов историко-культурного наследия и места природоохранных организаций в сфере их сохранения. В связи с этим прослеживается необходимость расширения предметной области, учитывающей специфику функционирования ООПТ (как социальных институтов) в реализации региональной экологической и социальной политики. Расширение перечня исследовательских задач диктует смену установок, традиционных в сфере «классической» этнографии, выбор инструментария, введение в оборот нетрадиционных для этнографии источников. Глобальные тенденции развития ООПТ способствуют формированию социального заказа на проведение не только пилотажных исследований, но и организацию мониторинга за состоянием как природной, так и социальной среды [18]. Отдельно следует отметить, что в связи с ограниченными финансовыми и кадровыми возможностями развитие этого направления в условиях РФ возможно только при реализации интеграционных проектов, объединяющих специалистов разных областей знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Садовой А.Н. Методологические аспекты исследования этнографического туризма // Сборник научных трудов СНИЦ РАН. Сочи, 2011. 196 с.
2. Дежкин В.В. Категории и задачи охраняемых природных территорий России (к обновленной концепции заповедного дела). Научные труды МНЭПУ. М.: Изд. МНЭПУ, 1999. Вып. 1.
3. Дежкин В.В. Особо охраняемые природные территории и некоторые проблемы российского заповедного дела. Электронный журнал BIODAT [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.biodat.ru/doc/lib/degkin2.htm>, свободный.
4. Минаева Т. Особо охраняемые природные территории: международное регулирование // Охраняемые природные территории: материалы к созданию концепции системы охраняемых природных территорий России. М.: ВВФ, 1999.
5. Садовой А.Н. Черноморское побережье Кавказа. Этническое предпринимательство в системе межкультурных коммуникаций // Homo communications II: человек в пространстве межкультурной коммуникации / под ред. К. Янашек и др. Шенцин, 2012.
6. Степаницкий В.Б. На переломе. О ситуации в заповедном деле России. Электронный журнал BIODAT [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.biodat.ru/doc/lib/stepan.htm>, свободный.
7. Садовой А.Н. Традиционные знания в области природопользования и перспективы развития альтернативных форм занятости коренного населения Алтае-Саянского экорегиона // Материалы Всерос. научно-прикладной конференции. Барнаул. 11–13 мая 2009 г. Барнаул, 2009.
8. Садовой А.Н. Традиционная система жизнеобеспечения гвйтчин бассейна р. Чандалар и региональная национальная политика США на Аляске // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2000. Вып. 1.
9. Садовой А.Н. Коренные народы Аляски: проблемы межкультурной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 13.
10. Кенозерский национальный парк [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.kenozero-park.ru>, свободный.
11. Совет Федерации Федерального собрания РФ. Историко-культурное наследие России (Материалы парламентского форума) // Аналитический вестник. 2009. № 10 (377) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://council.gov.ru/inf-sl/bulletin/item/407/index.html>, свободный.
12. Совет Федерации. Федерального собрания РФ. Экологические проблемы в федеральном и региональном измерении // Аналитический вестник. 2011. № 31 (433) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://council.gov.ru/inf-sl/bulletin/item/407/index.html>, свободный.
13. Информационный бюллетень проекта ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия в российской части Алтае-Саянского Экорегиона. Живая природа, живое будущее» 2006, 2007 № 1–3; 2008 № 1–3; Проект ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия в российской части Алтае-Саянского экорегиона». Годовые отчеты 2006–2008 гг. / Архив лаборатории этносоциальных проблем Сочинский научно-исследовательский центр РАН. Архив лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского государственного университета.
14. Шорский национальный парк: природа, люди, перспективы / А.Н. Садовой, М.В. Белозерова, В.В. Поддубиков и др. Кемерово: ИУУ СО РАН, 2003.
15. Садовой А.Н. Этнологические экспертизы: к проблеме адекватного отражения современных этносоциальных процессов // Теоретические и практические аспекты социаль-

но-экономического и политического развития Республики Казахстан, Центральной Азии и стран СНГ на современном этапе: Сборник материалов Межд. научно-практической конференции. Алматы: TST company, 2009.

16. Садовой А.Н., Поддубиков В.В. Этнологическая экспертиза в практике регионального управления: опыт Кемеровской области // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2011. № 1 (45).

17. Садовой А.Н., Нечипоренко О.В., Зазулина М.Р. и др. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАЛ» (ОАО ММК – Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населе-

ния Чувашинской сельской администрации. Кемерово: ИУУ СО РАН, 2005. Вып. 1.

18. Бойко В.И., Садовой А.Н., Нечипоренко О.В. и др. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. Новосибирск, 2008. Вып. 2.

19. Садовой А.Н. Этносоциальные аспекты реализации концепции развития особо охраняемых природных территорий федерального значения // Этнические, экологические и экономические аспекты развития туризма на особо охраняемых природных территориях горных экосистем. М.: СНИИЦ, 2012.